

Наталья Чаклина-Горбачева

Земная Жемчужина

Наталья Чаклина-Горбачева

ЗЕМНАЯ ЖЕМЧУЖИНА

Стихи

Минск

2001

Чаклина-Горбачева Н.В.

Земная Жемчужина. Стихи. — 64 с.

Стихи Натальи Чаклиной-Горбачевой автобиографичны по своей сути, искренни, и в этом, надо полагать, их ценность. Умудренная жизненным опытом, поэтесса немногословна, выносит на суд читателя прежде всего то, что ее саму радует или тревожит. Может, потому и шла она так долго к своей первой книге.

Н. Чаклина-Горбачева признается: «Нелегкая и пестрая моя жизнь, в которой было все: любимая, интересная работа, друзья, семья, радости и боль утрат. Но больше всего в ней — странствий, что как раз и обогащало впечатлениями, давало пищу для творчества».

© Чаклина-Горбачева Н., 2001

© Оформление Сизко М., 2001

*Я разбросала,
как зерно в кормушке,
свои года...
А жизнь — склевала их.*

Посвящаю внукам.

ПРОЛОГ

* * *

*Склонялись с Юрой
над одною картой —
теперь на небе
Визбора звезда.*

Нам рано жить воспоминаньями,
а может быть, совсем не рано?
Уж сколько лет живут в сознании
незарубцованные раны.

И сердцу все сильнее неможется
с потерей каждого из близких.
И на восток, на запад множатся
дороги к новым обелискам.

Пишите же воспоминания,
чтоб внуки помнили о дедах,
о их борьбе и созидании,
о горестях и о победах.

* * *

Помню щели в Павловском парке,
сирены тревоги в первый раз.
И ко дню рождения подарки:
от брата — детский противогаз...

Помню мрак в товарном вагоне,
чей-то плач, пролетевший снаряд...
И на затемненном пустом перроне —
последний раз в жизни мамин взгляд.

В мире выросли дочери, внуки,
но мы — по-прежнему дети войны.
Память об этой печальной науке
мы и потомкам оставить должны.

* * *

И снова я на родине моей,
где жили с мамою, отцом и братом,
где было столько ясных детских дней
и где все кончилось в тридцать девятом.
Потом пришли печали времена,
эвакуация из Ленинграда...
И мой Урал жестокая война
мне подарила снова, как награду.
А там в те годы плавил металл
и раненых сходились эшелоны.
И наш отец о доме забывал,
не выходя из операционной.
И все смешалось: отрочества свет,
военные лишения и беды,
и тот незабываемый рассвет,
которым начинался День Победы.
А после — замелькали города:
столица, Сахалин несли по жизни...
И наконец, как видно, навсегда
мне стала Беларусь второй отчизной.

* * *

Милой родины образ любимый
выплывает из старого сна:
сказки Медной горы-невидимки
и пушистая чудо-сосна.

Я брожу по увядшим бульварам
и снимаю слезу невзначай,
и по узеньким улочкам старым
меня в детство уносит трамвай.

22 июня...

Июньский день на западной границе,
там, где построен карбышевский дот.
По много лет сложившейся традиции
привозим мы сюда детей на слет.
Здесь памятник начальнику заставы,
которой имя Усова дано.
Суровому военному уставу
движение каждое подчинено.
Герой страны, отважный Виктор Усов,
с фашистами сражался до конца.
Здесь, на границе, не бывает трусов —
у воинов бесстрашные сердца.
Серьезные девчонки и мальчишки
поют об этом песни у костра.
Они о подвигах читали в книжках —
теперь идет военная игра.
Ночь коротка. Солнцеворот над миром.
Уже ползет рассвет из темноты,
когда мы вместе с юным командиром

обходим пограничные посты.
Звучит подъем в четыре на заставе,
как в тот далекий и трагичный час...
Пусть знают дети о бессмертной славе,
чтоб солнца свет над ними не погас.
Забыть нам ратный подвиг невозможно.
О мире на века мечтают все.
Но почему же все-таки тревожна
ночь на пустой ничейной полосе?

Неизвестному солдату

Быть может, ты родился в двадцать третьем,
когда страна вставала из руин,
и в темпах довоенных пятилеток
рос вместе с ней, ее отважный сын;

мальчишкой большелобым и нескладным
футбольный мяч без устали гонял,
завидуя бойцам интербригады,
и Чкалова восторженно встречал?

Быть может, в сорок первом ты в столице,
окончив школу, шел встречать восход?
А может быть, в дозоре на границе
ты первым сбил фашистский самолет?

Да, ничего мы о тебе не знаем...
Вернулись с фронта братья и отцы.
Но пухом стала для тебя родная
земля в чужой деревне Чеховцы.

ЮНОСТЬ

* * *

Вновь весна вошла в свои права:
сохнут лужи, набухают почки —
скоро встретит шумная Москва
первые зеленые листочки.
Вот сейчас, наверно, взглянет солнце
из-за тучи прямо мне в окошко,
будто бы оно упорно просит
побродить под ним хотя б немножко.
Мир рисую крупными мазками —
и чего-то хочется такого:
то ли землю всю обнять руками,
то ль умчаться от всего земного,
то ль смеяться, прыгать, веселиться,
то ли плакать горькими слезами,
то ли снова в детство возвратиться
и скорее мчаться за годами...
Той весной было все иначе —
было просто, и легко дышалось.
И я знаю, что все это значит:
детство окончательно умчалось.

* * *

Звуки растворились в тишине —
ввысь сейчас взлетит аэростат.

Может быть, немножко страшно мне,
но я знаю: нет пути назад.

Вот она, высотная верста, —
мне инструктор открывает дверь...
А кругом — такая красота,
что бояться некогда теперь.

В солнечных лучах блестят снега,
инеем леса покрыл мороз.
Вдалеке — канала берега
и резной, узорной аркой — мост.

А меня несет уж камнем вниз:
свист в ушах... И наконец — рывок!
Медленно по воздуху скользишь,
землю чувствуя ступнями ног.

Снова все, как было до прыжка,
только дальше будет все не так:
высота ведь преодолена —
сделан в жизни новый важный шаг.

* * *

Лыжи скрипят по пороше.
Снега искристая цветь.
День-то уж очень хороший —
можно ль в такой усидеть?
Звуки Москвы долетают
в этот сосновый лесок.

И сквозь деревья мелькает
зимнего солнца кусок.
Мчитесь скорее вы, лыжи,
сквозь голубую красу...
Нет мне дороже и ближе,
просеки в зимнем лесу!

* * *

Пролетает время очень быстро —
мы взрослеем, зрелость наступает.
Где-то там, в холодной речке Истре,
нашей юности сгорел восход.

Впереди — широкая дорога
в жизнь, к работе, счастью и мечте.
И пускай на ней препятствий много —
вера, воля выручат в беде.

И пускай далеко до привала,
но видна вершина впереди.
Так шагай смелей на перевалы,
не пугаясь трудностей, иди!

Помни твердо: как бы ты высоко
ни взбирался на вершины скал,
там, в Москве, и близкой и далекой,
за тебя друзья нальют бокал.

И в семье студенческой, туристской,
перед тем, как на маршрут идти,

выпьют влаги пенистой, искристой
за того, кто в жизненном пути.

* * *

Суждено всегда мне провожать —
людям почему-то нет покоя...
На прощанье хочется сказать
что-нибудь хорошее, простое.

Только в горле вдруг встает комок, —
я не знаю, я прошу — ответьте:
ну зачем нам множество дорог
в этом непонятно-дерзком свете?

* * *

Как время мчится!
Только лишь вчера
своих друзей в дорогу провожала,
и вот — теперь пришла моя пора:
сегодня я на Север уезжаю.
Обычай старый — так заведено:
присядем перед дальнею дорогой.
А слезы позабудем — все равно
разлуке нашей слезы не помогут.
Быть может, мы не встретимся опять —
жизнь так же переменчива, как выюга...
Хоть изредка, но будем вспоминать
перрон, прощанье и — улыбку друга.

САХАЛИНСКИЕ ЗАРИСОВКИ

* * *

Где-то там, далеко, в мае
груши, вишни зацветают...
А у нас, на Сахалине,
только небо стало синим,
лавой снег сползает с сопки;
возле речки — снова топко;
начала пылить дорога...
Но пройдет еще немного —
и у нас настанет лето.
Поскорей бы было это!

* * *

Ночью в поселок спящий
с моря туман ползет —
мрачный, холодный, злящий,
весне закрывает ход.
Здания все опутав
снежную бахромой,
небрежно деревья кутает
в серый платок ледяной.
Но солнца луч пробивает
влаги стальную броню...
Туман, как медведь, уползает
в глухую берлогу свою.

* * *

Во всем царит величие покоя
и ожиданье сказки голубой.
И вера в то, что царство снеговое
исчезнет обязательно весной.
Выходишь утром. Солнце ярко светит.
За синей сопкой слышен птичий гам.
С залива налетевший свежий ветер
разбрасывает иней по кустам.
Нежаркое, сухое бабье лето,
раскинув паутины-кружева,
танцует на лужайке в паре с ветром.
Блестит, как море, смятая трава.
И все так кажется легко и просто.
И столько сил и бодрости в груди,
что веришь: дело всякое — по росту,
и будет только радость впереди.

Старожилы

Туристы присмирившие сидят
в домишке возле моря. На закате
привез вчера сюда рыбацкий катер
ватагу эту шумную ребят.

Олений мох, тайга и стланики —
сурова сахалинская природа.
Здесь в злую штормовую непогоду
бывают волны очень велики.

Смотритель маяка неторопливо
ведет рассказ, как тридцать лет назад

в такой же летний ветреный закат
корабль причалил к берегу залива.

И на́ берег пустой они сошли,
строители, выпускники рабфака, —
и с топором, с пилою, как в атаку,
на бой с тайгой суровою пошли.

И вышек лес над морем вырастал,
и на болотах город был построен...
И до сих пор живут в нем те герои,
которых трудный Север воспитал.

А мне опять припомнился Кавказ,
огонь костра и вечер на привале,
о бое на Санчарском перевале
такого же вот старика рассказ.

Отцы в различных уголках страны
с врагами и с природой воевали,
чтоб дети их дела не забывали
и так же были мужества полны.

* * *

Метели за окном уже не плачут
и на снегах — луны голубизна.
Хорошую сегодня передачу
до нас доносит радиоволна.

И перед взором явственно всплывает
уютный зал, горящих сотни глаз.

И снова бурю чувства вызывает
концерт знакомый, слышанный не раз.

На занесенном снегом Сахалине
как будто видишь сквозь ночную мглу,
как в Каменке под небом ярко-синим
деревья распускаются в саду,

а музыка поет о жарком лете,
о счастье жить, работать и творить,
о том, что лучше нет земли на свете,
и что ее нельзя не полюбить.

Рояля звуки мчатся над страну,
звучит оркестра слаженный аккорд...
Здесь хорошо живется нам с тобою —
не страшно, что столица далеко.

* * *

Хорошо с любимым
пробежать на лыжах
лунною дорожкой,
снежно-голубой.
— Милый мой, хороший,
видишь, там — смотри же! —
нарядились сосны
в бисер рассыпной
и средь них мелькает
белка или птица?
Вот — уже пропала
в сумраке ветвей.

А вот это дерево —
как оно искрится
новогодней елкой
в тысячах огней!..
Кто это придумал,
что любовь — для юных?
Ведь умчалась юность,
а любовь — жива!
И все так же хочется,
как той ночью лунной,
говорить любимому
нежные слова:
— Милый мой, хороший...

Влюбленные

Светила над озером ярко луна.
Клонились под снегом деревья.
Бродили у озера он и она,
рассудку и слухам не внемля.

Луна все сияла, поскрипывал снег.
Вздыхал на опушке сохатый...
Часы продолжали стремительный бег,
а двое брели все куда-то.

* * *

Вот странно как устроен человек —
ему всегда недостает чего-то:
усталый и больной придет с работы —
прилечь бы, почитать, забыв о всех,

но за окном гудит и воет вьюга...
И ни читать не хочется, ни спать:
одно лекарство тут — с хорошим другом
за чашкой чая вечер проболтать.

Уйдет тоска — и будет легким сон...
Как хорошо, когда есть рядом — Он!

* * *

Звонят звонки на переездах.
Горят ночные фонари.
И поезд мчится в неизвестность
на встречу утренней зари.

Что там увидела девчонка
за темным, сумрачным окном?..
В походном рюкзаке — кофтенка,
конспекты, книги и диплом.

Что ждет ее: поселок дальний,
нелегкий труд день ото дня,
метели дикой вой печальный,
воспоминанья у огня?

Иль кто-то, сердце растревожив,
покой заставит позабыть?..
Но как бы мне хотелось все же
на месте той девчонки быть!

Чтоб снова — юность, снова — встречи.
Стихи и споры до утра...

Чтоб снова — первый в жизни вечер,
волшебный, чистый, как мечта.

* * *

Прочитана последняя страница...
Проходит ночь, за окнами — рассвет,
но все никак не хочется проститься
с героями давно прошедших лет.

Они тебя и старше, и моложе,
но все уже нашли свои пути.
Их каждый день был не напрасно прожит,
в день завтрашний не страшно им войти.

А жизнь твоя спокойна и размеренна,
и так событиями не пестра,
что можешь ты сказать почти уверенно:
все завтра будет так же, как вчера.

И вновь встаешь, шагаешь на работу
и все еще упорно ждешь чего-то...
Но вдруг, как вспышка молнии — в глаза,
сверкнет в мозгу вопрос: а ты б смогла?

СТАРАЯ КРЕПОСТЬ

Лида

Кто нежным женским именем назвал
наш вечно молодой, зеленый город?
Судьбу его он верно предсказал:
как женщина, прекрасен он и молод.

Он прочно высится среди равнин —
горда его осанка, величава.
Восставший из руин, как исполин,
он боевых времен гордится славой.

Купаясь в бело-розовых садах,
растут дома-красавцы год от года.
И солнце ярко светит в корпусах
просторных новых фабрик и заводов.

Цвети же, город света и мечты,
твори, дерзай под мирным небосводом...
Будь воплощеньем юной красоты
и мужества великого народа!

* * *

Манят с кострами ночи,
непройденные пути...

Уснула в кроватке дочка —
ну как от нее уйти?

Расти скорее, родная, —
вместе с тобой пойдем:
я много тропинок знаю —
среди них и твою найдем.

И на ночных привалах
будешь ты напевать
песни, что напевала
в нелегкой дороге мать.

И юность моя вернется
из той далекой весны...
Ласково улыбнется,
послав нам счастливые сны.

* * *

Почему я люблю вокзалы,
их тревожный ночной неуют?
Как будильник, стучат составы —
до утра уснуть не дают.

Почему чуть ли не в каждое
заглянуть стараюсь окно?
Даже праздников я не праздную...
Ты в походе давным-давно.

На вокзале тебя не встречу —
приедешь внезапно.

Бросишь радость на сердце
огромной цветочной охапкой.

* * *

Тихо на улицах Лиды
старые липы шумят.
Гранитные обелиски
память о павших хранят.

Славные дети Отчизны,
веря в радость и свет,
за Родину отдали жизни
в восемнадцать лет.

Лишнюю норму, конечно,
нам выполнять нелегко,
но в списки бригады навечно
вписан и Саша Климко.

И на лесах новостроек,
и у станков заводских
горячее сердце героя
в строй зовет живых.

Новую Лиду мы строим —
садом она расцветет.
Бессмертная слава героев
в смелых дерзаннях живет.

* * *

Ночь у лесного костра.
Солнце на перевале.
Долгие вечера
с песнями на привале.

Лыжня в сосновом лесу,
елей пушистые мантии...
Мчатся сквозь эту красу —
это ли не романтика?

Море шумит вдали
штормовое, осеннее.
У самого края земли
мечутся льдины серые.

Навстречу — злой ураган
снежной лавиной катится,
а ты идешь сквозь буран —
это ли не романтика?

Розовая мечта
канула в реку юности.
Я уж совсем не та —
новые чувства и трудности.

За годом мелькает год,
смешав и будни, и праздники...
Все рвусь куда-то вперед —
в этом моя романтика!

* * *

На небе — полная Луна,
а я опять смотрю в окно
и вспоминаю времена,
ушедшие давным-давно.

Под знаком Рака родилась,
я с детства лик Луны люблю.
И, думаю, еще не раз
Луна ворвется в жизнь мою.

* * *

На утреннем пустом перроне
мелькнул знакомый силуэт...
И вот — со мной в одном вагоне
мой давний милый друг-поэт.

Он ехал, видимо, на дачу —
с кустами, сумками, женой.
Вот если б встретиться иначе!..
На сердце — дождик проливной.

Узнать не захотел, как видно, —
сидел, не поднимая глаз...
И стало больно и обидно,
как будто было в первый раз.

НОСТАЛЬГИЯ

* * *

Нет, не могу согласиться с поэтом,
хоть очень люблю его, чудо творящего.
И все-таки — утверждаю: нету
ностальгии по настоящему!

Нет ностальгии по милому прошлому
и по тому, что промчалось мимо:
со всем, что было и будет хорошего,
ностальгия несовместима.

Затерли словечко, ввели его в моду,
и вот — обыватель, поддавшись стихии,
твердит, устроившись в кресле удобном:
«Ах, у меня по ковру ностальгия!»

А ностальгия — болезнь особая.
И нет у ней слова синонимичного!
Даже врагу не желаю попробовать
эту злую тоску заграничную.

Вздыхают туристы: «Краса-то какая!
Вот где пожить хотя бы немного...»
И с сожалением — уезжают,
модные джинсы купив на дорогу.

А мы — остаемся еще на полгода.
Всего на шесть месяцев. Разве долго?
И снятся нам Минск и Уральские горы,
московские улицы, Неман и Волга.

Вернемся домой — и нас встретят родные
просторы и строки, знакомо звучащие...
Тогда и пройдет навсегда ностальгия:
не по чему-нибудь — настоящая!

* * *

— Вы говорите по-русски?
— Представьте, только по-русски! —
звучит неожиданно просто
и вместе с тем, как пароль.
Вдали от родного дома
нервные сильны нагрузки...
Встретиться с земляками
необходимо порой.
Медленно, незаметно
схватывает ностальгия.
И ощущаешь внезапно,
как не хватает берез;
тут ведь не только люди —
и небеса чужие,
и так порою трудно
удержаться от слез.
А время почти не движется,
будто остановилось.
И осень здесь не такая,
как в России у нас.

И никому нет дела,
что бы с тобой ни случилось, —
никто не заметит слезинку,
скатившуюся из глаз.
Так стоит ли удивляться
и губы кривить усмешкою,
если интуитивно
тянешься к земляку:
— Вы говорите по-русски?
— Да!.. — отвечаю, не мешкая.
Где ж вам понять, уезжающим,
эту мою тоску.

* * *

Там у вас, на далекой планете,
все мороз и метели поют.
А у нас — ярко солнце светит.
И подснежники продают.

Снега нет нигде и в помине,
и туманы уходят с вершин.
Горы в блеске весенне-синем
удивительно хороши!

Беспокойные водопады
возле старого замка шумят.
Дети солнцу теплему рады,
как веселые птицы, галдят.

Только рвусь я туда, к морозам,
где родимый простор широк,

чтоб, припав головой к березе,
ощутить на губах ее сок.

Чтоб увидеть любимые лица
и услышать русскую речь,
родниковой воды напиться
и на землю родную прилечь.

* * *

В Венгрии май прекрасен:
белые свечи каштанов;
ярко, торжественно, пышно
отцветает сирень...

Можно уехать в горы
солнечным утром рано
и красотой природы
любоваться весь день.

Можно в палящий полдень
в прохладе пещеры спрятаться,
где в освещении радужном
звучит неожиданно Бах.

Можно в старинной крепости
знаменитого Ракоци
ощутить истории
тысячелетний размах.

Можно стоять часами
у «Магдалины» Эль-Греко.
Можно Будайскую крепость
всю обойти вокруг.

Даже не сложно встретить
русского человека...
И одного нельзя лишь —
дома проснуться вдруг.

В Венгрии май прекрасен,
с этим не стоит спорить.
Венгрия — это сказка,
недаром так говорят.
Но и с холодным ветром
от штормового моря —
Родина дорогая
мне милее в сто крат.

* * *

Венгерские подснежники
в начале февраля,
как облака безбрежные,
как зимняя заря.
Венгерские подснежники
с названием «ховираг»,
как волны белоснежные,
что бьются в Кара-Даг.
Венгерские подснежники —
подобных в мире нет:
они сегодня — нежные,
к утру — увял букет.
На стол мне тихо падает
их лепестков краса...
Она меня не радует —
хочу в свои леса!

ТРИ ПИСЬМА К БРАТУ

1

От меня ты страшно далёко,
между нами — моря и хребты.
Я живу на Далеком Востоке.
И на самом Западе — ты.
И когда закат над Невою
опускается в сумрак вод,
здесь, у нас, из Охотского моря
солнце нового дня встает.
Мы с тобою встречаемся редко.
И всегда на короткий срок:
в отпуск — я, ты — в свои поездки.
Встретимся на одной из дорог...
Даже письма пишем не часто:
у обоих — работа, семья.
И свое у каждого счастье.
И заботы, и жизнь своя.
Так всегда. А виски седые —
незаметно годы летят.
Но не только по крови родные
мы с тобою, мой старший брат.
Пусть меж нами бушует вьюга
и пускай наши встречи редки —
мы любили и любим друг друга,
мы душою всегда близки.
И на дальнем Охотском море
о тебе я пишу в стихах...

Верю я: мы увидимся вскоре,
наша встреча уже близка.

2

Давным-давно писались эти строки,
по-детски и наивны, и легки.
И вот опять я от тебя далеко.
И вот опять пишу тебе стихи.
А жизнь летит. И с радостью, и с горем,
обоим волосы посеребрив,
и, как в холодном и далеком море,
отлив всегда сильнее, чем прилив.
Но ко всему с годами привыкаешь:
и к холоду, и к грусти, и к беде.
А коль тепла порою не хватает —
я снова вспоминаю о тебе.

3

Это место сам ты выбирал:
монастырь и озеро лесное,
и вдали виднеется канал
между Ленинградом и Москвою.
У тебя сегодня юбилей,
но одна бокал я поднимаю:
к памяти обугленной своей,
к душ родству ушедшему зываю.
Если б верить, что через года
в новой жизни встретимся с тобою!
Никого... Лишь вдалеке вода,
кладбище и небо голубое.

ЛЮБОВЬ К МОРЮ

*Ведет сквозь волны и туманы
Мой лунный одинокий путь.*

М. Волошин

* * *

Опять прощаемся мы с морем.
Плеснет последняя волна —
и снова с радостью и горем
останусь я совсем одна.

И вновь на Севере туманном
далекой встречи буду ждать.
Как о несбыточном, желанном,
о синеве твоей мечтать.

Меня ты щедро одарило
и южным солнцем, и волной,
как будто снова напоило
дыханьем жизни молодой.

Дало мне одухотворенность,
когда перо опять в руке,
и даже легкую влюбленность
с касаньем легким на щеке,

явило мне пейзаж неброский
с феодосийской красотой,
и вдруг открылся Айвазовский
прекрасной, южною мечтой.

Мечтатель, меценат, художник
и романтический поэт,
дарил Максимилиан Волошин
мне Коктебеля лунный свет.

И там, где ветер треплет снасти,
сквозь тонкий гриновский туман
вдруг промелькнул забытой сказкой
волшебный город Зурбаган.

Меня манила за собою
волна, мне придавая сил,
но почему-то все ж за мною
мой алый парус не приплыл.

И вот сегодня очень грустно
тебя мне, море, покидать.
Какое мной владеет чувство —
мне, право, нелегко понять.

Но так хотелось бы с собою
взять в одиночество мое
хоть шум волны, хоть плеск прибоя,
хотя б — дыхание твое.

* * *

Впервые я зимой у моря
и вижу снег на берегу.
Смотрю, как волны с ветром спорят,
и наглядеться не могу.

Прекрасно море штормовое,
и пена волн белей, чем снег,
и, слившись, хочется с волною
пуститься в бесконечный бег.

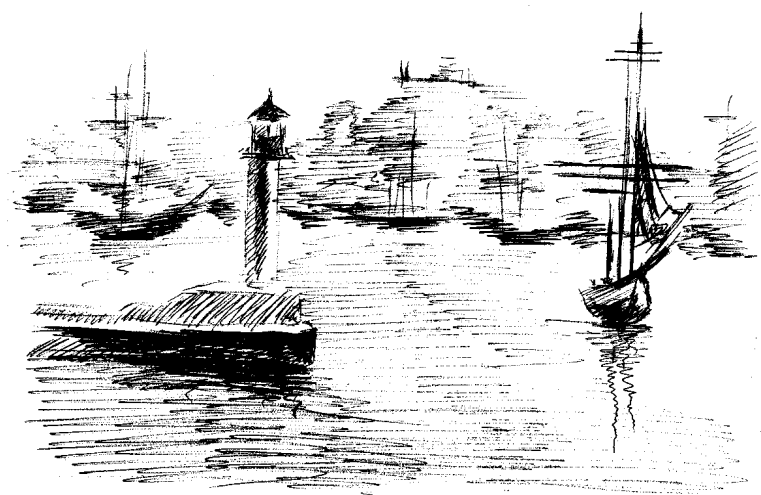
Терраса-мостик капитанский,
на горизонте — корабли...
Уносит глыбой океанской
меня все дальше от земли,

где нет тревог, тоски и горя,
пустой житейской суеты —
туда, где только солнце, море
и парус розовой мечты.

* * *

Мертвый сезон... Мертвый сезон.
Льет проливной дождь.
Спряталось солнце за горизонт.
Сутки погоды ждешь.

Море бушует, море штормит,
бьется о парাপет.
Сердце колотится и болит —
алого паруса нет!

Вдруг неожиданно дождь прошел,
вспыхнул закат огнем.
Кто-то рядом сказал: «Хорошо,
если грустят о нем».

Сказал и от моря вдаль ушел
мимо старинных стен,
а в Голубом ущелье расцвел
розовый цикламен.

И снова парус скрыл горизонт,
корабли уплыли в Лисс.
Мертвый сезон... Мертвый сезон
буду помнить всю жизнь.

* * *

Своеобразие души
рождает образное слово.
И те стихи лишь хороши,
в которых мысль — всему основа.

И стоит ли писать, когда
стихи Цветаевой Марины
живут во мне, как города,
прекрасны и неповторимы.

Но строчка возникает — вновь
меня преследует незримо
и, как последняя любовь,
болит в душе неизлечимо.

ПАМЯТЬ

* * *

Осень просит покоя и будничной прозы,
а в душе — теплых дней аромат.
Предо мною две пышные алые розы,
точно память о лете, стоят.

Мы с тобою прекрасное оба любили,
много было надежды и сил,
но всего лишь мгновение рядом прожили,
и цветов ты мне мало дарил.

Осень. Скоро зима — и метель, и морозы.
Все живое утонет в снегах.
Принесу я тебе две последние розы,
точно память о прошлых годах.

* * *

Февраль метелен и заснежен,
как в те далекие года.
Ты был тогда так молод, нежен,
казалось, счастье — навсегда.

И свадьба в том поселке дальнем
в метель февральскую была.

В ту пору ни о чем печальном
я и помыслить не могла.

По снежным сопкам кони мчались,
шампанским волновалась кровь,
и было все еще в начале:
и жизнь, и радость, и любовь.

Но, отмечая годовщину
тех далеко ушедших дней,
я вижу юного мужчину
живым лишь в памяти моей.

Опять февраль, метельный тоже,
земля иная, век другой,
и чем-то на тебя похожий
наш взрослый внук передо мной.

* * *

Н.В. Иванову

Вы элегантны, моложавы.
Года и старость — не для Вас.
Сродни Вам воинская слава
и спутник избранных — Пегас.
Да, Вы — полковник настоящий
во всем... К тому ж, в душе — поэт!
И Вашей выправке блестящей,
и мастерству вершины нет.
И строки Ваши безупречны —
в них Ваш высокий интеллект.
Желаю вам чистосердечно:
держитесь так же много лет!

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

* * *

Как чувство мне назвать,
в котором мед
вдруг горечью полыни отдает?
Как научиться жить
одним лишь днем,
совсем не вспоминая о былом,
не думая о том,
что, может быть,
тебя придется завтра позабыть?
А разве так легко
все забывать
и по клочкам от сердца отрывать?
Ведь сердце же —
всего лишь с кулачок,
и с болью отрывается клочок.
И эта боль сильнее
с каждым днем...
Ну как избавиться мне от нее?

* * *

Знаешь, кому я завидую больше всего?
Робинзону.

Если б кто знал, как мне хочется,
хоть на денек,
найти самый крошечный,
солнцем и ветром сожженный,
но все-таки
необитаемый островок.
Пусть гибнет все в шторме —
всей прожитой жизни
не жаль мне.
И лишь об одном
все надежды, желанья, мечты:
пусть высится остров
одною зеленою пальмой...
И был чтобы рядом со мной
верным Пятницей — ты!

* * *

Живем мы в разных измерениях,
года на мелочи губя.
Спасибо все же Провидению,
что подарило мне тебя.
Благодарю за наше прошлое,
за редкость и сумбурность встреч,
за право самое хорошее
в душе так много лет беречь.

За все обиды затаенные,
за одиночества года,
за строки, второпях рожденные,
но чем-то близкие всегда.

Я их читаю, как признание,
как будто между нами нет
ни километров расстояния,
ни стольких врозь прожитых лет.

* * *

Друскининкай... Начало осени.
Конец цветущим ясным дням,
небес литовских яркой просини
с фонтанов пылью пополам,
ошеломляющим прогулкам
вдоль неманских песчаных круч
и старой даче в переулке,
где в окна блещет солнца луч.
Вздыхать и мучиться напрасно:
один раз в год приходит май.
Но будет жить, как сон прекрасный,
моя любовь — Друскининкай.

* * *

Тот вечер... Но какой же вечер
припомнить мне издалека,
когда лишь первый раз на плечи
к тебе легла моя рука,
и вальс, прекрасный, точно сказка,
нас по течению помчал,
и полный теплоты и ласки
впервые голос прозвучал?

Но ты, мой милый друг, я знаю,
теперь, далеко от меня,
гораздо чаще вспоминаешь
тот вечер праздничного дня:
блестящий бал, и танго звуки,
счастливый блеск знакомых глаз...
Ни боль, ни мысли о разлуке —
ничто не омрачало нас.
А я должна признаться все же:
в печальной памяти моей
часы прощанья мне дороже
и чем-то ближе и родней.
О, как я жажду новой встречи!
До боли, жжения в груди
хочу, чтоб самый лучший вечер
еще был где-то впереди!

* * *

На далекой родной стороне
в этой смене эпох воинственной
вспоминаешь ли обо мне,
мой разлюбленный, мой единственный?
Никому не желали зла,
было счастье и были муки.
Я сама тебя отдала
безвозвратно в чужие руки.
Целовала нас жизнь не раз
все губами, от слез солеными,
и кометою пронеслась —
вот и внуки ходят влюбленными.

В путь отправился новый век,
незнакомый, иной, таинственный...
Как живешь, дорогой человек,
неразлюбленный мой, единственный?

Закат

Уже зима вошла на тротуары,
холодный ветер набирался сил.
И почерневшие, как от пожара,
стволы морозный иней серебрил.

Но солнце, промелькнув за облаками,
согнало снег к игривому ручью.
И тополь обнаженными руками
вдруг потянулся к слабому лучу.

Набухли почки жаркой жаждой жизни,
очнулись от томительного сна,
горячий сок, как слезы счастья, брызнул —
почудилось, что близится весна.

Вот так и мы, зиме еще не веря,
все тянемся за капелькой тепла
и закрываем поплотнее двери,
чтоб радость вместе с солнцем не ушла.

* * *

Апрельский день
с нежнейшей листвой
вновь голосами птичьими стрекочет.

А солнце,
накалясь над головой,
согреть своим лучом еще не хочет.
А может,
просто трудно нас согреть,
очнувшихся от долгой зимней спячки?
На зелень мы не поменяем медь
и вялость чувств — увы! — уже не спрячем.
Что из того,
что снова не до сна?
О тихих радостях мечтает каждый.
Не повторится прежняя весна —
ведь в жизнь, как в реку,
не вступают дважды.

* * *

О, как прекрасна осень золотая,
но в той же степени
и быстротечна:
багряной паутинкою растает,
как наша жизнь...
А что же длится вечно?
Бессмертна поэтическая лира —
порой уйдет и возвратится снова.
Она поет от сотворенья мира,
когда впервые прозвучало слово.
Овидий, Гете и Шекспир, и Пушкин —
все были рождены для вдохновенья.

Тысячелетья нет стихам забвенья,
они ласкают и тревожат души.
И Пушкина
всегда мы вспоминаем,
когда приходит осень золотая.

Прощание с Кисловодском

В последний раз на терренкур всхожу.
Хочу увидеть взгляд, услышать слово,
но пусто все и одиноко снова:
среди многих лиц тебя не нахожу.

В последний раз вокруг меня бурлит
прохладный, жгучий кипяток нарзана,
а завтра — снова в путь поутру рано,
и новые заботы жизнь сулит.

В последний раз с горы мы вниз глядим —
такие дни нам дарятся не часто,
но знаем мы: неповторимо счастье,
и его каждый миг неповторим.

* * *

Как хочется душевного общения,
чтоб лучше понимали мы друг друга,
не вспыхивали вдруг от возмущения,
передавая свой настрой по кругу.

Как незаметно мы друг друга раним,
как быстро возникает раздражение,
как остро не хватает понимания,
а может, теплоты и уважения?
Как видно, котик Леопольд нам нужен,
который говорил: «Жить надо дружно!»

* * *

Я слушаю
мелодию Шопена.
Ее играет Саша Музыкантов —
недавнее открытие для нас.
Ну почему
для первого концерта
сонату эту
выбрал к исполнению
талантливейший юный пианист?

Зовем ее мы
«Похоронным маршем».
Мы под нее грустим об уходящих,
и молодость
с ней трудно совместить.
Звучит
под сводами большого зала
мелодия пронзительной тоски.
Пусть бы
лишь только в этом светлом зале
ее мне слышать было суждено!

* * *

«Дар напрасный...» — неужели
Пушкин так подумать мог
среди михайловской метели
или болдинских дорог?

Пусть горька судьба поэта,
но лишь он — не кто иной —
в блеске солнечного света
возвышался над толпой.

Дай мне, Пушкин, каплю дара —
миг несбывшейся мечты —
вместо тленья без пожара
среди житейской суеты!

МИЛЛЕНИУМ

* * *

Слепой трубач стоит у колумбария
с беспомощно протянутой рукой.
Уже не думать о погибшем даре им,
кто здесь нашел и не нашел покой.

Горька мелодия — все мимо, мимо,
никто сегодня не подаст певцу.
Как холодно и как неумолимо
жестокий век приблизился к концу!

* * *

Окончился двадцатый век,
тысячелетие — с ним вместе.
Так что ж ты сделал, человек,
во имя славы или чести?

Энергию изобретал —
Чернобыль хрупкий мир разрушил.
Лекарства новые создал —
но героин сжигает души.

Что новый век нам принесет —
какие новые напасти?

Не хватит ли уже невзгод?..
Так хочется земного счастья!

* * *

Мои родные города,
как будто на другой планете...
Друзья, и радость, и беда
остались
в прожитом столетье.
Все — в прошлом.
Не вернутся вновь
свиданья, встречи и разлуки...
Моя горячая любовь —
мои взрослеющие внуки.
Им
этот шумный век — родной,
им
в нем идти дорогой жизни.
И не стареем мы душой.
Но, следуя судьбе капризной,
как трудно сохранять лицо,
когда
эпоху рвут на части...
Так в палец вросшее кольцо
снимать
уже не в нашей власти.

* * *

На выставке «Ночь на Днепре» —
моя любимая картина

все в том же лунном серебре,
но только меньше вполонину.

Такой вот вариант создал
волшебник, сказочник Куинджи,
и Третьяковки старый зал
вдруг оказался будто ближе.

Генетика ль тому виной
иль яркость впечатлений детства:
нет мне роднее ни одной
из живописного наследства.

* * *

Вот и миллениум кончается,
смеется Дед Мороз в усы,
и стрелки все быстрее вращаются,
отсчитывая нам часы.

И жизненный поток летящий
несет нас в двадцать первый век
от бывшей жизни, настоящей,
туда, где пустота и снег...

Ну что ж, в двадцатый не вернуться,
былое вернуть нельзя.
Но, к счастью, с нами остаются
искусство, книги и друзья.

ЗАМЕТКИ НА САЛФЕТКЕ

* * *

Куда ни глянь — везде реформы.
Вперед, навстречу новым формам!
Хотела «танки» написать —
да рифмы некуда девать.

* * *

Мы ищем в жизни совершенство,
за ним взмываем к облакам.
Какое грустное блаженство
понять, что нет его и там.

* * *

Моя шагреневая кожа
на носовой платок похожа.
Другую не на что купить...
Пора итоги подводить.

* * *

Моя судьба — быть дилетантом
во всем, за что бы ни взялась...
Не то, чтоб не было таланта,
но рыцарь я всегда на час.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

Наш век суров — для вдохновенья
и творчества в нем места нет.
И наши внуки для общенья
предпочитают интернет.

Ряды дискет на книжных полках,
здесь книги больше не стоят.
И старики лишь втихомолку
стихи любимые твердят.

Стремясь в поэзию, как в битву,
и робко делая шаги,
все повторяем, как молитву:
«Великий Пушкин, помоги!»

* * *

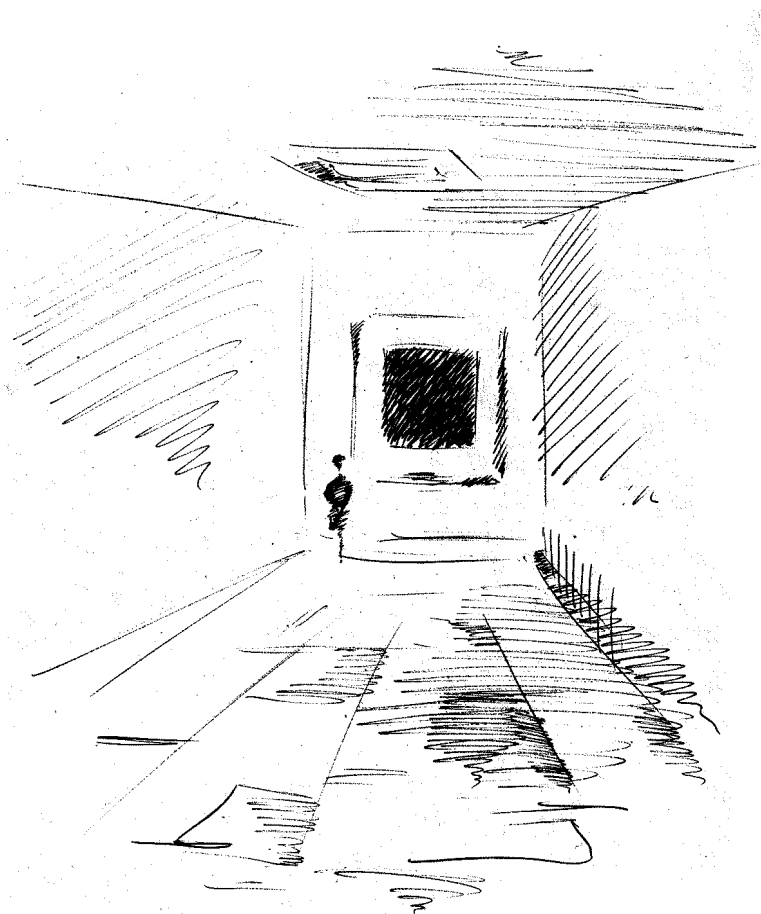
Вот вам лучшие воспоминанья:
ночь берет в объятия свои,
пролетают за окном в тумане
самолеты Сент-Экзюпери.
Над Карачи догорает вечер —
до Калькутты путь еще далек.

Сутки проплывают нам навстречу,
новым утром светится восток.
Жаркий полдень. Наконец — в Ханое.
Месяц здесь так быстро пролетит!
Будет ярким небо голубое,
каждый день открытия сулит:
паруса, парящие в заливе,
буйволы на рисовых полях,
древний эпос о веках счастливых,
пальмы и бананы на кустах.
И, пожалуй, ничего прекрасней
я теперь припомнить не могу,
чем ажурный мост на речке Красной
с Будды статуей на берегу.
Пролетают годы, но все чаще
снился мне вьетнамская земля:
море, каучуковые чащи,
пагоды и лотосов поля.

* * *

Вижу «Черный квадрат»,
а за ним — бесконечность...
Предстоит нам дорога во мгле.
Нет ни рая, ни ада —
одна только вечность,
остальное — на этой Земле.

Здесь за долгую жизнь
испытать мы успели

столько счастья и горьких минут,
что ни ад и ни рай
нам бы дать не сумели,
даже если и вправду нас ждут.
Этот черный квадрат —
как окно в бесконечность...
Все мы тихо уходим туда.
Ни желаний, ни слез.
Впереди только вечность
и летящая к солнцу звезда.

* * *

Мы в жизни все — марионетки:
за нитку Парки нас ведет
и отдыхать дает так редко
неумолимый кукловод.
И мы, судьбу свою приемля,
всегда довольные игрой,
вдруг опускаемся на землю,
как будто шарик надувной,
иглой нечаянно проткнутый...
И сразу — пустота в груди:
исчезли шелковые путы —
и неизвестность впереди.

* * *

А все-таки очень грустно,
что станции «Мир» больше нет.
В ней были народа искусство
и славы немеркнущий свет.

Сгорела в слоях атмосферы
ее неземная краса,
а с нею — Эпоха Веры
в космические чудеса.

* * *

Поезда, самолеты
и — опять поезда.
И такая работа.
И такая судьба.
Я одна к электричке
рано утром спешу
и по старой привычке
стихами грешу.
Жизнь подбросила темы
впрок на несколько лет.
Написать бы поэму,
только... времени нет!

* * *

Рассвело. Над Неманом туман.
Тихая, задумчивая осень.
Многим нам нелегкий жребий дан —
выходить из дома ровно в восемь.

Влажный воздух, теплый ветерок,
мокрая, блестящая дорога,
низко-низко стелется дымок —
хочется рукой его потрогать.

Все вокруг торопятся, спешат,
только мне спешить совсем не хочется.
Пусть года и месяцы летят,
а дорога никогда не кончится.

Пусть всегда сияет надо мной
тихое, задумчивое небо
и манит прохладной глубиной
мудрый и бессмертный старый Неман.

* * *

*Сижу и чайной ложечкой
вычерпываю море,
чтобы достать жемчужину,
лежащую на дне.*

Новелла Матвеева

А кто-то к морю движется
широкими шагами,
спускаясь в батискафах
бездумно и легко.
Хватает жемчуг розовый
огромными горстями,
запихивает жадно
в карманы глубоко.

А кто-то с аквалангом
спускается все глубже,
порой рискуя жизнью,
движется по дну.

Перебирает сотни
прекраснейших жемчужин,
чтобы вручить любимой
из множества — одну.

А я сижу и черпаю
до изнеможения.
А море не мелеет —
все та же глубина.
И в синеве таинственной,
дразня воображение,
то промелькнет жемчужина,
то снова не видна.

Да есть ли в самом деле
она, моя жемчужина?
«И надо ли искать ее?» —
думаю порой.
А мимо ходят сытые,
спокойные и важные —
и самодовольно
смеются надо мной.

* * *

Мелькнула буря и промчалась.
Черемуха белым бела,
и май звонит в колокола,
забыв про зимнюю усталость.

А в сердце все еще гроза,
и по стеклу сползают слезы,

гуляют прежние невроты,
и не пробьется бирюза.

И старость нам грозит клюкой,
пустыми днями жизни праздной,
и в будни превращает праздник,
и в ношу тяжкую — покой.

Но вот опять перо в руке —
и утро ясное сверкает...
Вновь ощущаешь солнце мая
в еще не созданной строке.

* * *

Не сотвори себе кумира —
какие мудрые слова!
Не раз их воспевали лиры,
от них кружилась голова.
И ни один поэт при жизни
кумиром для других не стал.
А сколько, дерзких и капризных,
стремилось встать на пьедестал!
Свергались, падали кумиры,
и новых кто-то возводил,
но благоденствия и мира
добиться не хватало сил.
Во всем поэта есть участие —
уж такова его звезда...
И потому, как видно, счастья
он не достигнет никогда.

Мольба астролога

Меня найдешь ты в Год Змеи —
приди в объятия мои!

Я — Скорпион, но ты ведь — Рак?..
Не разминуться нам никак.

А покровитель наш — Луна.
Бутылка выпита до дна.

Смотри скорее гороскоп:
пятно там видишь? Это — поп...

Меня с тобой венчанье ждет.
Бежим!.. Вон твой Стрелец идет!

* * *

Дождь смывает зимние следы
и уходит, растворясь в тумане.
Вязкой смесью снега и воды
нас встречает это утро раннее.

За туманом прячется зима,
сбрасывая снежные покровы.
Все, как и в былые времена:
хоть прекрасно, но уже не ново.

Дождь смывает память о былом:
горестях, потерях и печали, —
и с надеждой робкой мы идем
в ясные, безоблачные дали.

Содержание

Пролог	4
Юность	9
Сахалинские зарисовки	13
Старая крепость	21
Ностальгия	27
Три письма к брату	32
Любовь к морю	34
Память	39
Безнадежность	41
Миллениум	50
Заметки на салфетке	53
Стихи разных лет	54

Литературно-художественное издание

Наталья Васильевна Чаклина-Горбачева

Земная Жемчужина

Стихи

Редактор *А. Масаренко*

Корректор *Н. Дорофейчик*

Компьютерный набор и верстка *Д. Андреев*